

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И. Е. БУЛАТНИКОВА

© 2018 А. В. Репринцев

*докт. пед. наук, профессор,
кафедра психологии образования и социальной педагогики
e-mail: reprintsev@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье анализируются основные идеи и направления научных поисков известного российского ученого И.Е. Булатникова, его вклад в развитие теории нравственного воспитания молодежи в условиях «кризиса культуры». Особое внимание уделено оценке ученым векторов эволюции нравственных ценностей молодежи, характеристике тенденций в развитии нравственной культуры школьников и студентов, обеспечению системного подхода в формировании нравственной культуры, традициям и опыту отечественного образования в социально-нравственном воспитании подростков и юношества.

Ключевые слова: социальная педагогика, история педагогики и образования, нравственное воспитание, нравственные ценности молодежи, системный подход в социально-нравственном воспитании подростков и юношества.

Каждый человек – дитя своего Времени – всегда сложного, всегда противоречивого. «Времена не выбирают – в них живут и умирают», – так определил поэт суть взаимоотношений Времени и Судьбы конкретного человека. За этой поэтической формулой скрыт глубокий философский смысл. Для одних людей время становится лишь этапом обретения зрелой биологической формы, физического «вызревания», когда можно приступать к биологическому «самовоспроизводству» и извлечению удовольствий из жизни, когда повседневное бытие человека превращается в бесконечный праздник и наслаждение, не обремененные каждодневным упорным трудом и неустанной заботой о близких. Для других – время становится коротким мигом, шагом в Вечность, когда на раздумья и принятие решения времени не остается, но потомки прославляют имя Героя в веках, воздавая дань уважения его Поступку, его мужеству и самопожертвованию. Для третьих – время превращается в долгий процесс самосозидания, мучительного поиска ответов на «вечные» вопросы, конструктивного преобразования реальности на принципах Добра, Справедливости, Чести, Достоинства, Любви, Красоты, Истины. Да, время – это обстоятельства и люди, которые порождают Идеи и Идеалы, Смыслы и Ценности, Традиции и Творения, Образы и Образцы. Время – важный фактор, задающий «координаты человеческого счастья» – конкретные цели, ради которых живет и творит человек свою жизненную реальность. От этих «координат» зависит «целесообразность» движения человека по жизни, степень сопряженности совершаемых им поступков и деяний с конкретной жизненной целью.

Духовный облик юного гражданина, его социальную и нравственную позицию, его жизненные цели определяет не только Время, но и окружающие растущего человека реальные люди – родители, дедушки и бабушки, братья и сестры, друзья, сверстники, педагоги – социальная среда, задающая взрослому подростку и юноше смыслы и ценности, идеалы и нормы, представления о должном и стереотипы социального поведения. Именно среда очень многое определяет в человеческой судьбе. Но не все. Важную роль в социальном и нравственном самоопределении юного гражданина играют средства массовой информации, сеть Интернет, предлагающие огромный спектр вариантов линии жизни, социальных типажей, жизненных позиций,

эталонов поведения и отношений. А еще есть Природа, вкладывающая в человека Способности, есть еще Случай – стечение обстоятельств, позволяющих юному человеку встретить на своем пути мудрых наставников. А еще есть Воля, помогающая личности «выделывать себя в Человека», созидать самого себя, выстраивать свою линию жизни. Все эти факторы и определяют, кем и каким станет каждый молодой человек в жизни.

Социальное и нравственное взросление человека всегда сопряжено с поиском ответов на самые трудные вопросы. Кто я? Для чего пришел в этот мир? В чем мое предназначение? Ради чего стоит жить? Как отделить истинное от ложного? На каких идеях и принципах строить отношения с окружающими людьми? Кто мои истинные попутчики на пути к жизненным целям? Что такое человеческое счастье? Ответы на эти вопросы каждый человек ищет и находит *сам*, выбирая среди множества вариантов *свой*, единственно верный. А если не находит, то и вся его жизнь быстро теряет смысл, целесообразность, превращаясь в набор случайных, не связанных между собой, хаотичных деяний и действий, за которыми не видно ни масштабной личности, ни успешной человеческой судьбы, ни внятной жизненной и социальной позиции. Позиция аккумулирует в себе широкий спектр социально-нравственных качеств личности: ее ценностно-смысловой базис, убеждения и принципы; способность слышать и слушать других людей, сопереживать и сострадать им; готовность к продуктивному взаимодействию с окружающими людьми, сотрудничеству с ними, преодолению возникающих проблем. Позиция отражает меру освоения личностью социально-нравственного опыта предшествующих поколений, ее приверженность моральным ценностям отцов и дедов, готовность твердо следовать заветам предков, ценить и беречь духовное наследство. Позиция всегда выражает меру понимания личностью своей ответственности перед прошлым и перед будущим, свое положение «связного», соединяющего времена, претворяющего нормативы общественной морали в устойчивые формы социально одобряемого поведения и отношений. Именно отсюда, из осознания личностью своей моральной ответственности перед прошлым и будущим, рождается представление о социальной миссии, о целях и смыслах социального бытия человека. Но позиция – это еще и готовность к действию, к поступку, это определенное состояние личности, в котором человек ощущает не только необходимость действия, но и свою способность к поступку, внутреннюю потребность деяния, материализующего его убеждения, его ценности и принципы, его представления о должном. Позиция – это и есть выражение меры социальности личности, ее социализированности, освоения широкого спектра социально-нравственных ценностей.

В современной педагогике, пожалуй, одной из самых сложных и важных является проблема социально-нравственного становления личности, обеспечения условий для освоения будущим гражданином традиционной морали, обретения опыта социально одобряемого поведения и отношений. Одной из вершин, олицетворяющей научное понимание и практическое воплощение сущности социально-нравственного становления личности на различных возрастных этапах, является теоретическое наследие и педагогический опыт В.А. Сухомлинского, создавшего уникальную систему нравственного воспитания школьников, ее сопряжения с процессом становления мировоззрения личности, духовной и эстетической культуры воспитанника, его социальности. В последней трети XX века появилась и большая часть исследований, посвященных этой проблематике (О.С. Богданова, Н.И. Болдырев, Л.П. Буева, З.И. Васильева, Б.З. Вульф, А.В. Иващенко, Б.Т. Лихачев, Т.Н. Мальковская, И.С. Марьенко, И.Ф. Харламов, В.Э. Чудновский и др.), в которых раскрыты средовые, ценностно-целевые, содержательные, процессуальные, организационные, психологические аспекты социально-нравственного становления личности. Начало XXI века не было

отмечено появлением в педагогике крупных, фундаментальных работ, посвященных социально-нравственному развитию личности, что во многом обусловлено сменой парадигмы социального воспитания детей и молодежи, усилившейся социальной стратификацией, нравственной дезориентацией не только молодежи, но и значительной части взрослого населения страны. Нынешнее поколение молодежи оказалось в сложной социокультурной ситуации: смена общественного строя, экономического уклада жизни, выраженная социальная стратификация, деструкция общественной морали негативно сказались на традиционных представлениях людей об общественной морали, системе ценностно-смысловых координат, о нормах отношений в обществе, критериях и проявлениях истинно нравственного в жизнедеятельности людей. Именно в силу этих причин всякая попытка вернуть человеку традиционную мораль, восстановить базовые нравственные ценности в сознании входящего в жизнь поколения молодежи – чрезвычайно важная и актуальная задача для педагогики и психологии. Тем и ценна попытка молодого ученого разработать теоретические основы организации процесса социально-нравственного развития подростков и юношества в условиях социальной неопределенности, духовной нестабильности, сдвига тектонических пластов фундаментальных представлений о важнейших нравственных ценностях русской национальной культуры, о сопряженности этих ценностей с традициями и опытом отечественной педагогики, ее базовыми этическими идеями и смыслами. Конечно, такая попытка требует от исследователя смелости, решительности, мужества не только в отстаивании своей позиции, защите традиционных ценностей, но и зрелости, глубины, масштабности мышления, позволяющих взглянуть на очень сложный предмет исследования с философских, исторических, культурологических, психологических, педагогических позиций; увидеть всю сложность и противоречивость исследуемого феномена. Что выдает в человеке масштаб истинного Мыслителя? Его способность в «эпохи перемен» говорить о самом важном, о вневременном, о вечном; его способность быть провозвестником Будущего, глашатаем Истины, поборником Справедливости; его приверженность Гуманизму – идее священной любви к человеку, стремление помочь человеку встать с колен, обратив взгляд к будущему, к творению Добра и Красоты в социальной реальности; его способность быть Данко – светить другим, сжигая себя, испепеляя свое сердце, указывая людям путь к истинным ценностям, к идеалам Добра, Чести, Достоинства, Ответственности, Гражданственности, Патриотизма.

Именно этим феноменам были посвящены исследования и многочисленные публикации Игоря Евгеньевича Булатникова. Судьба отмерила ему недолгую жизнь – тридцать лет. Но за эти годы (а собственно исследовательская деятельность ученого – это последние 10 лет его жизни) он успел сделать невероятно много. Несколько монографий, гранты РГНФ, больше четырех десятков статей в ведущих научных журналах, выступления с научными докладами на крупных международных научных конференциях, организация и проведение нескольких культурно-антропологических школ молодых ученых «Культура-Образование-Человек», избрание членом-корреспондентом АПСН, работа над докторской диссертацией, приглашение к работе в диссертационных советах в качестве оппонента. По числу цитирований в РИНЦ он вошел в десятку ведущих профессоров Курского государственного университета. В 2015 году он был включен в «ТОП-100» ведущих культурологов России. И все это – в 30 лет! Многие именитые ученые называли его «курским самородком», считали одним из самых перспективных российских ученых; читали и цитировали его статьи, книги. И все это – свидетельства редкой глубины и таланта исследователя.

Впечатляют масштабы проведенных Игорем Евгеньевичем эмпирических срезов: его выводы базировались на огромных выборках, которые были по силам крупным научным лабораториям – он опрашивал 2,5 – 4 тысячи респондентов, а иногда и больше!

И все собранные данные он тщательно обрабатывал, скрупулезно анализировал, перепроверял, прежде чем сделать выводы и предложить конкретные рекомендации. Его диагностические срезы строились на больших комплексных методиках, в которых ученый обязательно перепроверял достоверность получаемой информации, стремясь объективно оценивать такой сложный и тонкий феномен – социально-нравственное развитие личности. Лучшей иллюстрацией к этому утверждению служат приложения в одной из монографий Игоря Евгеньевича, в которой он поместил огромное количество таблиц, диаграмм, анкетных материалов [Булатников 2011]. Надо признать, что сегодня очень немногие научные школы сохранили такую степень основательности в сборе и обработке эмпирических материалов, их анализе и интерпретации, а Игорь Евгеньевич был непреклонен в вопросах организации научно-исследовательской деятельности, оставаясь верным традициям научных школ Б.З. Вульфо́ва и Е.П. Белозерцева.

Невозможно не отметить и еще одну важную черту исследований И.Е. Булатникова: уважительное отношение к педагогическому опыту, к анализу тенденций и проблем в массовой образовательной практике. Игорь Евгеньевич хорошо понимал потенциалы передового педагогического опыта, часто посещал образовательные учреждения (особенно ссузы), стремясь осмыслить опыт становления и развития воспитательных систем в учреждениях высшего и среднего профессионального образования, проблемы социально-нравственного воспитания студенчества. Каждый раз, оказываясь в новом образовательном учреждении, он старался не упустить возможность неформально пообщаться со студентами, кураторами, классными руководителями, педагогами колледжа или техникума, пытаясь в беседе уловить те проблемы, которые заботят молодежь и их наставников, что, возможно, подскажет направления дальнейших поисков. Так очень часто поступал его «научный дед» Борис Зиновьевич Вульфóв. И каждый раз Игорь Евгеньевич демонстрировал заинтересованное, уважительное отношение к своему собеседнику – студенту, педагогу, мастеру производственного обучения, воспитателю в общежитии, классному руководителю, фиксируя крупными буквами того, что достойно пропаганды, популяризации в среде преподавателей, руководителей образовательных учреждений. И каждый раз – подчеркнуто интеллигентное отношение к человеку, высочайший такт и уважение к студенту и педагогу!

Какие же проблемы заботили Игоря Евгеньевича? О чем размышлял он в своих работах? Какие давал оценки и прогнозы развития ситуации в социально-нравственном становлении юношества? Какими видел пути выхода из кризисного состояния всей системы социально-нравственного воспитания молодежи? Анализируя опубликованные работы И.Е. Булатникова, погружаясь в проблематику его книг и статей, можно выделить несколько магистральных направлений, в которых реализовывались его исследовательские интересы. Такими направлениями, пожалуй, можно назвать следующие:

- «кризис культуры» и перспективы развития образования, тенденции формирования нравственной культуры юношества;
- системный подход в социальном воспитании, пути и способы социально-нравственного развития молодежи; становление и развитие воспитательных систем в учреждениях профессионального образования;
- исторический опыт социально-нравственного воспитания детей и молодежи, этические основания социального воспитания.

Попробуем чуть подробнее охарактеризовать каждое из этих направлений и полученные Игорем Евгеньевичем результаты исследований.

Нравственное воспитание молодежи и общественная мораль в условиях «кризиса культуры»

Одним из концептуальных направлений поисков И.Е. Булатникова является *цикл публикаций, посвященных «кризису культуры» и перспективам развития российского образования, формированию системы нравственных ценностей молодежи* [Булатников 2011а; 2012]. И.Е. Булатников резко негативно, и вполне обоснованно, отнесся к идеям известного отечественного культуролога А.П. Давыдова, изложенным им в докладе, с которым он выступил в Высшей школе экономики. Эта большая критическая статья Игоря Евгеньевича [Булатников 2012а] оказалась замечена многими философами, психологами и, конечно, педагогами. Солидарность с твердой позицией И.Е. Булатникова высказали В.М. Розин, Е.П. Белозерцев, Р.С. Бозиев, М.И. Рожков, Т.А. Ромм, Ю.С. Мануйлов, М.В. Шакурова, П.Н. Осипов, И.Ф. Исаев, О.И. Тарасова, О.В. Долженко, А.А. Романов и др. Игорь Евгеньевич усмотрел в позиции А.П. Давыдова (и открыто с этим не согласился!) проявление либеральной идеологии в интерпретации и оценке базовых трендов развития современной культуры. И.Е. Булатников убежденно доказывал: демократизация общественной жизни не предполагает вседозволенность и отсутствие морали, а пропаганда сексуальной свободы, которую так восторженно приветствует в своем «манифесте» А.П. Давыдов, крайне опасна, поскольку она раскрепощает в подростках и юношестве «свободу инстинктов», развращает и разрушает складывавшиеся веками представления о норме в этой сфере. Не менее опасными, по мнению исследователя, являются и «новые векторы» в развитии литературы, в которых молодой ученый увидел отрыв от традиций классической русской литературы, выхолащивание ее духовно-нравственных основ, ее идейно-смыслового, аксиологического базиса. Публикация этой статьи в журнале «Психолого-педагогический поиск» потребовала определенной смелости от главного редактора журнала, профессора А.А. Романова, отчетливо понимавшего необходимость оперативного реагирования на подобные «культурологические провокации», дезориентирующие молодежь, открыто разрывающие связь с традициями национальной культуры и образования. Игорь Евгеньевич вполне обоснованно предупреждал: «Почему так опасна деструкция морального сознания, происходящая в современном российском обществе? Почему она так тревожит сегодня тех, кто занимается социальным воспитанием юношества? Ответ – очевиден! Просчеты в социально-нравственном воспитании сегодня обернутся – уже в обозримом будущем! – неизбежным разрушением всей социальности человека, всей системы его смысло-жизненных координат, падением в бездну всех табуированных норм и границ социально одобряемого поведения и отношений. Человек в этом случае превратится в животное, станет хищником, для которого останутся всего лишь несколько внутренних регуляторов поведения – голод и инстинкт размножения. Вернуть человеку человеческое может лишь соблюдаемая всеми, одинаково значимая для всех, признаваемая всеми членами социума общественная мораль» [Булатников 2012а: 70–71].

В анализе социокультурной реальности Игорь Евгеньевич Булатников объективен и беспристрастен (сказывалось его базовое историко-педагогическое и юридическое образование), – он опирался исключительно на полученные им эмпирические и статистические данные, фиксировавшие векторы изменения общественной морали и сопряженной с нею нравственной культуры юношества. В огромном массиве полученной им эмпирики особенно интересны результаты использования анкеты «Пословицы», с помощью которой Игорь Евгеньевич выявлял динамику социальной позиции молодежи, а также проводил анализ жизненных девизов старших школьников и студентов [Булатников 2011: 79–90]. Ученый отмечает, что деформации морального сознания все настойчивее проявляются в молодых людях и вполне выразительно закрепились в целом ряде устойчивых выражений и поговорок, с помощью которых

юношество выражает свою позицию в системе социальных отношений: «У каждого – своя мораль», «Сколько людей – столько и принципов», «Своя рубашка ближе к телу», «На вкус и цвет товарищей нет». И.Е. Булатников убежден в том, что «все они фиксируют нарастание индивидуализма, социальной аномии, социального дистанцирования, растущей эгоизации сознания, социального отчуждения и обособления в среде молодежи. Первой и самой главной средой, в которой эти тенденции впервые проявляют себя, а потом и закрепляются, приобретают характер устойчивой черты личности, становится сегодня семья. Её же – семью – впитавший в себя ростки дегуманизированной культуры человек, как правило, первой и приносит в жертву – собственным амбициям, тщеславию, гордыне, взлелеянному эгоизму и нарциссизму, карьере, внешнему признанию, мнимому успеху. Его "нежно взлелеянное", эгоистичное собственное Я становится неким "сверх-смыслом" всего социального существования личности. Наши исследования на протяжении почти десяти лет показывают вполне выразительную эгоизацию сознания молодежи, формулирующей свою жизненную позицию через выбор пословиц и поговорок, которые точнее всего выражают их жизненное кредо и отношение к окружающей действительности» [Булатников 2012в: 63–64].

Примечателен анализ *жизненных девизов* юношества, в которых И.Е. Булатников усматривал те же процессы нарастания социального эгоизма, аномии, обособления, отторжения межпоколенческих связей: «Куй, пока горячо!», «После меня – хоть потоп», «Веселись – живем один раз!», «Не имей сто друзей, а имей сто рублей», «У кого деньги – у того и сила!», «Живи для себя!», «Кто не работает – тот ест!», «Работой сыт не будешь», «Не в деньгах счастье, а в их количестве», «Работа дураков любит», «Красиво жить не запретишь», «Своя рубашка ближе к телу», «Скупость – не глупость», «Кто смел – тот и съел», «Ни на кого не надейся!», «Никому не верь!», «Все люди – звери!», «Живем один раз!», «Никогда ни о чем не жалеи!», «Жизнь коротка – надо успеть получить от жизни все!», «Все средства хороши», «Моя хата с краю», «Прежде всего – ты, а потом уже – все остальные», «Живи одним днем», «Мне хорошо – и это главное!», «Надо жить легко и беззаботно!», «Не парься!», «Наслаждайся, пока молод!» [Булатников 2012г: 84]. После таких «откровений» юношества возникает какое-то ощущение недоверия, невозможности подобных проявлений молодых людей. Но это ощущение быстро проходит, когда просматриваешь странички студентов сузузов и вузов в социальных сетях, когда читаешь их откровения «В Контакте», «Одноклассниках». Пелена с наших глаз моментально исчезает и остается «голая правда» – без прикрас: в реальной жизни не все выглядит благополучно и красиво, как хотелось бы. Становится понятно, что в среде подростков и юношества происходит процесс внутренней «поляризации», «размежевания»: значительная часть молодых людей стремительно «дрейфует» в «маргинальное дно», освобождаясь от «оков морали», пропитываясь идеями и нормами «либерализма», потребительской психологии, становясь адептами современной «массовой культуры», а небольшая часть пока еще остается носителями привычной системы ценностей, продолжает жить в пространстве общественной морали традиционного Русского мира. Но «традиционалистов» остается все меньше и меньше, и они уже не в силах изменить социокультурный ландшафт российского общества, одержимого философией прагматизма, индивидуализма, гедонизма, эгоизма. Конечно, И.Е. Булатников констатирует правду – горькую, неприятную, но правду: «Общий вектор эволюции морального сознания юношества очевиден – в нем явно просматривается нарастание индивидуализма, акцент юношества на собственном Я, доминирование индивидуального над социальным, ощутимая утрата внешних, регламентирующих границ общественно одобряемого поведения, растущая власть денег, грубой физической силы, стремление к обособлению от внешней среды, ориентация на «красивую жизнь» без выраженного стремления достичь такую «красоту» собственным

трудом, установка на социальный эгоизм, индивидуализм, отчуждение, обособленное существование молодых людей в социальном пространстве, легковесное, беззаботное отношение к жизни» [Булатников 2012д: 28].

Анализ широкого круга теоретических работ, огромного массива эмпирических материалов и статистических данных позволил Игорю Евгеньевичу выделить целый ряд *негативных тенденций в развитии морального сознания современного российского общества* [Булатников 2010: 119–132], в значительной мере осложняющих процесс социально-нравственного воспитания молодежи, формирования ее нравственной культуры. Среди таких тенденций ученый называет:

– *тенденцию социального отчуждения, индивидуализации человеческого бытия, сокращения межпоколенного, межвозрастного взаимодействия* (Б.З. Вульф, О.В. Долженко, И.М. Ильинский, С.Г. Кара-Мурза, Л.В. Мардахаев, Н.А. Нарочницкая, В.А. Разумный, И.А. Панарин, А.Г. Пашков, А.В. Репринцев, М.И. Рожков, В.М. Розин, О.И. Тарасова, Э. Тоффлер, М.В. Шакурова и др.);

– *тенденцию «варваризации» культуры, гедонизации сознания молодежи, иллюзорности восприятия мира молодыми людьми* (А.С. Ахиезер, В.С. Библер, Ги Дебор, А.Г. Дугин, М.С. Каган, В.А. Караковский, Д.С. Лихачев, Х. Ортега-и-Гассет, А.С. Панарин, В.А. Разумный, Е.А. Репринцева, В.М. Розин, О.И. Тарасова);

– *тенденцию сокращения коллективных форм организации социально значимой и досуговой деятельности молодежи, обеднения тематики и содержания межличностного общения школьников и студентов* (Н.Ф. Басов, В.М. Басова, Н.М. Борытко, А.П. Бредихин, С.Л. Герасименко, М.А. Ларина, А.Г. Пашков, А.В. Репринцев, М.И. Рожков, С.М. Салов, В.А. Слостенин, Н.Н. Сучкина и др.);

– *тенденция «омассовления» социального воспитания школьников и студентов, камуфлирования множеством массовых «воспитательных» акций и дел стагнации первичных коллективов, опасного снижения качества нравственной воспитанности молодежи* (Е.П. Белозерцев, Б.З. Вульф, И.Ф. Исаев, Л.В. Мардахаев, П.Н. Осипов, О.В. Парахина, А.Г. Пашков, М.М. Плоткин, А.В. Репринцев, М.И. Рожков, В.А. Слостенин, А.Н. Ходусов, М.В. Шакурова);

– *тенденция размывания социально-нравственных норм, порождающих социальную дезориентацию юношества, выхолащивающих представления о границах допустимого и недопустимого в поведении и отношениях людей* (Н.Ф. Басов, В.М. Басова, Е.Л. Башманова, Е.П. Белозерцев, Н.М. Борытко, Б.З. Вульф, О.В. Долженко, А.С. Запесоцкий, С.Н. Иконникова, В.В. Краевский, В.М. Меньшиков, И.Ф. Исаев, В.И. Панов, А.Г. Пашков, А.В. Репринцев, М.И. Рожков, В.М. Розин, Л.М. Рышкова, Н.Л. Селиванова, М.В. Шакурова и др.) и др. [Булатников 2017: 69–72]. И.Е. Булатников много говорил о необходимости преодоления этих тенденций, минимизации их негативных последствий и упреждении их влияния на социально-нравственное развитие будущих граждан России. Озабоченность и тревогу исследователя в нравственном облике юношества вызывали тенденции:

– *доминирования личностного над общественным;*

– *индивидуализации человеческого бытия;*

– *локализации духовных интересов молодежи;*

– *примитивизации нравственных оценок явлений и процессов окружающей действительности;*

– *сокращения интенсивности и содержания межвозрастного взаимодействия; обеднения содержания и интенсивности общения молодежи с представителями старшего поколения, с носителями традиций и норм этноса;*

– *выхолащивания тематики и содержания межличностного общения.*

Все это неизбежно приводит к искажению представлений о сущности социального и профессионального бытия личности в сознании молодого человека.

И.Е. Булатников доказывал, что этому способствуют и такие тенденции, как снижение уровня социально-нравственной, эмоциональной отзывчивости подростков и молодежи, опыта рефлексии юношеством своих поступков, способности молодых людей к эмоционально-волевой саморегуляции поведения, волевой иммобилизации, способности к волевому напряжению, низкий уровень развития эмпатических способностей, ответственного отношения к выполняемой социальной и профессиональной деятельности. Эти тенденции объективно осложняют эффективность процесса социально-нравственного воспитания молодежи, выхолащивают мотивацию личностного и профессионального роста, снижают интерес молодежи к осуществляемым в стране процессам социально-экономической модернизации. По мнению исследователя, в сознании юношества происходит драматичный и весьма опасный процесс «раздвоения сознания»: с одной стороны, молодые люди сохраняют понимание традиционной морали, ее норм и регулятивов, а с другой – становятся «пленниками» новой модели социального существования, хорошо известной еще со времен Т. Гоббса: «Homo hominy lupus est». Таким образом, социальное отчуждение, индивидуализация человеческого бытия, эгоизация сознания становятся устойчивыми чертами жизни современной молодежи. Эти явления не были типичны для русского мира – они противоречат самому характеру русского человека, его миропониманию, мироотношению. Эти тенденции проявляются во многих сферах жизнедеятельности школьников и студентов – не только в сфере учебы, производственных практик, общественно полезного труда, но не в меньшей степени в сфере досуга, творчества, свободного общения. Дуализм сознания – опасное социально-нравственное явление: с одной стороны, человек хорошо знает, как должно себя вести, на какие нормы и ценности следует ориентироваться, но, с другой стороны, социальная действительность не дает примеров, образцов такого поведения, предлагает прямо противоположные варианты выбора нормативов социального поведения. Внутренне противоречие между «хочу – могу – надо – должен» порождает опасный тип человека – человека-конформиста, подлеца, социального негодяя, а впоследствии – предателя, готового ради личной выгоды пойти на любые, самые безнравственные способы достижения собственной цели. Для такого человека «все средства хороши», «цель оправдывает средства». Это – типичный Манкурт, маргинал, утративший социальность, всю свою внутреннюю сопряженность с культурой, миром, ориентирующийся только на внутреннее Я, на удовлетворение своих личных потребностей и интересов. Такое внутреннее ощущение самоизолированности от социальной среды, от общества порождает неизбежно доминирование личного над общественным, индивидуального над социальным. Тогда уже совершенно очевидно: не «я – для общества», а «общество – для меня»; тогда уже не «наше», а «мое», тогда уже не коллективное, а индивидуальное как смысл и норма социального бытия индивида [Репринцев 2009]. По мнению И.Е. Булатникова, одной из главных причин деструкции социально-нравственного развития детей и молодежи является разрушение коллективистских начал в жизни общества, опасное и весьма распространенное в среде юношества представление о сопряженности социальной успешности личности с уровнем ее материального богатства.

Исследователь подчеркивает: «Названные негативные тенденции и явления в состоянии современного морального сознания общества необходимо преодолевать, формируя нравственную культуру молодежи, ответственность юных граждан за свою страну, ее будущее, за облик мира, в котором им предстоит жить и трудиться. Каждый человеческий поступок, каждый акт общения подразумевает то, что человек способен осознавать внутреннюю нравственную основу своих действий, соотносить их с представлением о добре и зле, о должном и справедливом, подчинять их голосу

собственной совести. Моральное сознание – *человеческое* сознание с его внутренними механизмами, смысловым и ценностным содержанием, облаченными в форму моральных норм и правил, нравственных табу и самоограничений, этических понятий и определений, оно рассматривает явления и поступки людей не в плане их причинной обусловленности (почему человек сделал что-либо), а со стороны их *достоинства, общественной ценности*. Моральное сознание позволяет *оценивать* действия людей и общественные явления, помогает личности осуществить выбор между добром и злом, честью и бесчестьем, справедливостью и несправедливостью. И каждый такой выбор человек делает в силу интернализованного им представления *о должном, о норме*. Совокупность моральных норм, запретов и требований, регулирующих человеческую деятельность и поведение, составляет содержательную основу не только морального сознания общества, но и всего нравственного воспитания молодежи» [Булатников 2010а: 151].

И.Е. Булатников не ограничивается констатацией негативных тенденций в социально-нравственном становлении подростков и юношества, – он призывает «как можно чаще обращаться к выявлению вечного и временного, национального и общечеловеческого в общественной морали, (шире – в человеческой культуре), к анализу нравственных констант, определяющих человеческое в человеке. Тогда мораль (как одна из форм бытия общественного сознания) не останется для входящего в самостоятельную взрослую (нравственную!) жизнь человека чем-то непознанным, неосвоенным, некоей *"terra incognita"*, не переведенным во внутреннее достояние личности, не интернализированным ею, а станет прочным внутренним регулятором поведения и отношений юноши, основой мотивации его поступков, фундаментом реализации его стремлений и жизненных целей, выбора средств их достижения, оценки окружающих людей и себя самого, интерпретации социальных процессов и явлений. Но социальное воспитание не может навязывать *"готовую"* модель социального поведения, внедрять в неокрепшее сознание *"идеологически выдержанные"* моральные нормы и стандарты, – воспитанник должен сам к ним прийти, понять, что по-другому строить жизнь невозможно, что только на основе соблюдения всеми сложившихся моральных норм возможно человеческое сообщество!» [Булатников 2008в; 2010б].

Подводя итоги своих размышлений о «кризисе культуры», И.Е. Булатников резюмирует: «Кризисы в культуре не являются случайным *"наказанием"*, эпизодом в ее судьбе или жестоким приговором. В мировой культуре такого рода процессы сопровождают всю историю. Культура не способна развиваться вечно по единой, универсальной схеме. В ее развитии наступают сложности, коллизийные феномены. Они могут, как утверждал Шпенглер, свидетельствовать только об истечении времени данной культуры. Никакого перерождения культуры быть не может. Следовательно, в самом кризисе культуры заложен момент ее обновления, самоочищения, отрицания сдерживающих ее развитие обстоятельств и факторов. В начале XX века И.А. Ильин определял состояние русской культуры как *"больная культура"* и видел возможность ее обновления, ее *"излечения"* через духовно-нравственное воспитание молодежи, избавление ее от социальных пороков. В этом процессе сегодня становится особенно важной и значимой деятельность институтов социального воспитания юношества, в первую очередь – семьи и школы. Их миссия чрезвычайно ответственна. Но она может быть успешной лишь тогда, когда их социальный статус высок, когда к голосу родителей и учителя прислушиваются, когда с ними считаются; когда позиция старшего поколения не высмеивается и не подвергается остракизму, когда духовно-нравственный опыт предшествующих поколений не становится предметом политических спекуляций и фальсификаций. ***Надо учиться заново быть русскими, любить и ценить свой народ, свою историю и культуру, уважать прошлое и моральный выбор отцов. Надо***

перестать заниматься переписыванием своей истории в угоду политической конъюнктуре. Надо ценить жизнь и понимать ее быстротечность. Надо уважать человеческую личность и ее право быть самой собой. Только в этом случае в самостоятельную взрослую жизнь выйдут действительно духовно богатые, интеллектуально состоятельные молодые люди, способные жить в демократическом гражданском обществе, строить свое будущее, опираясь на традиции и опыт своей национальной культуры» [Булатников 2012д: 33].

Системный подход в социально-нравственном воспитании молодежи

Важным направлением научных поисков И.Е. Булатникова стал цикл публикаций, посвященных *системному подходу в социальном воспитании, поиску эффективных моделей, путей и способов социально-нравственного воспитания молодежи, анализу опыта развития воспитательных систем* [Булатников 2009; 2009а; 2011; 2012б; 2012д]. Здесь И.Е. Булатников оказался твердым последователем своих наставников Б.З. Вульфо́ва, А.Г. Пашкова, размышлявших о феномене воспитательной системы, ее специфике в образовательных учреждениях различного уровня и профиля, важнейших факторах системы и реализуемых этими факторами социально-педагогических функциях, содержании деятельности и способах влияния на сознание и поведение юношества, условиях эффективного влияния воспитательной системы на социальное и профессионально-личностное развитие будущих граждан страны. В частности, исследователь прямо говорит о том, что «причиной всех "сбоев" в "реформах" является их бессистемный характер, причастность к разработке их идеологии и осуществлению людей случайных, не обремененных практическим педагогическим и управленческим опытом, не включенных в жизнь самой образовательной системы, не владеющих элементарными представлениями о ее вертикальной и горизонтальной сопряженности, взаимосвязи и взаимообусловленности всех звеньев и элементов, ее составляющих; о важнейших параметрах, отражающих ее состояние и устойчивость функционирования» [Булатников 2012д: 21]. И.Е. Булатников акцентирует внимание на том, что в процессе реализации системного подхода в социальном воспитании чаще всего возникает проблема «односторонности» рассмотрения системного объекта; в идеале следует искать оптимума в описании требований системы, идущих от общества, с требованиями, идущими от личности [Блауберг, Юдин 1973]. Это означает, что мудрый руководитель образовательного учреждения, создавая воспитательную систему, будет опираться на мнение тех, к кому обращены ее влияния, кто способен оценить не только целесообразность создаваемой системы, но и ее эффективность, кто разделяет цели и ценности системы, кто заинтересованно участвует в ее развитии.

Обращаясь к идеям и работам Б.З. Вульфо́ва, И.Е. Булатников подчеркивал основное обобщающее свойство любой системы – ее *целостность*. Целостность, по его мнению, означает, что, в сущности, «всегда влияет не какой-то один элемент системы, а вся система и на все социальные проявления личности юного гражданина – деятельность, отношения, общение; оказывается влияние на все процессы в коллективе: самореализацию и групповую дифференциацию, подъем и спад, динамику общественного мнения, самоуправления и т.д.; стимулируются все составляющее деятельности – принятие решения, выбор пути, планирование, организация, корректировка, анализ; тем самым оказывается влияние на все сферы личности воспитанника – рациональную, идейно-нравственную, эмоционально-волевою. Так достигается гармония системы с конкретными условиями и обстоятельствами, в которых она существует, реализуя свой воспитательный потенциал. В то же время сочетание четкости цели, социально-нравственной направленности с гибкостью, изменчивостью, вероятностным характером многих элементов и связей открывает

широкие возможности саморазвития, внутренней динамики самой системы – в пределах, разумеется, заданной определенности» [Булатников 2012б: 42]. Подчеркивая сущность воспитательной системы как разворачивающегося процесса становления человеческой личности, ученый акцентировал внимание на таких ее характеристиках, как активность, *реализация потенциала* через практические действия целостности, влияние элементов системы и их связей на гражданское становление личности юноши; *развитие самой целостности*, ее составляющих, обогащение потенциала системы [Там же].

И.Е. Булатников хорошо понимал, что создание и обеспечение условий для развития воспитательной системы – процесс чрезвычайно сложный, трудоемкий, требующий значительных усилий со стороны всех, кто в такую систему включен. Но и эффект от функционирования системы также очень высок, поскольку система оказывается устойчива к различным негативным влияниям: «Система потому и устойчива к внешним воздействиям, что в ней работают мощные внутренние синергетические силы самоорганизации, которые при самых неблагоприятных и достаточно активных внешних воздействиях не позволяют ей рухнуть, не дают обрушиться прочному базису нравственных императивов, определяющих позицию тех, кто понимает свою личную ответственность за духовный облик будущих граждан страны, кто твердо и стойко несет в будущее эстафету традиций и норм русской интеллигенции» [Булатников 2012б: 43]. Развивая идеи Б.З. Вульфова, исследователь убежден в том, что системность – продуктивная методология изучения и практики социального воспитания, отвечающая идее сопряжения противоречий целостной деятельности, отношений и общения личности юного гражданина (на уровне идеала и реальности) с противоречивым же единством ее социализации, воспитания и развития. Это выводит системный подход за и без того широкие рамки гносеологии и теории, обеспечивая их диалектическое единство. «Системный анализ практики социального воспитания показал объективную необходимость отказа от традиционного социоцентризма в пользу возвышения человеческого фактора, общечеловеческих ценностей. Не человек для системы, но система для человека – в этой полярной переориентации суть осуществляемых поисков повышения эффективности социального воспитания юношества. Главным критерием оценки состояния системы выступает отношение к ней самих воспитанников, ощущение ими ее необходимости, потребности в ее существовании – и объективном, и субъективном. Чем "плотнее" такое соотношение, тем глубже реальное влияние изучаемой системы на развитие личности. Как и всякое развивающееся явление, воспитательная система может глубоко, на уровне системообразующих свойств изменяться только системно, всеми ее компонентами, внешними и внутренними связями, вместе с переменами в макросистеме воспитания юных граждан» [Там же].

Внимание исследователя было сосредоточено на воспитательной системе ссуза, готовящего будущих специалистов-транспортников. В этой сфере особенно высока роль ответственности работника, его внутренняя дисциплина, точное выполнение им профессиональных функций, оперативное реагирование на возникающие нештатные ситуации, устойчивость к высоким психологическим и эмоциональным напряжениям, стрессам. Понятно, что специфика воспитательной системы предполагает наличие содержательных, технологических сред и ситуаций, позволяющих будущим специалистам-транспортникам обрести необходимые профессионально-личностные качества, закрепить их в индивидуальном социальном и профессиональном опыте. Проведенная И.Е. Булатниковым опытно-экспериментальная работа позволила реализовать теоретическую модель воспитательной системы ссуза, выявить комплекс социально-педагогических, психолого-педагогических, организационно-педагогических

условий ее эффективного влияния на формирование социальной и профессиональной ответственности будущих специалистов железнодорожного транспорта [Булатников 2010в: 10]. В частности, исследователь отмечал, что воспитательная система – «это социально и профессионально ориентированный, локальный, относительно замкнутый, целостный, развивающийся социальный организм, прочно сопряженный с воспитательной системой более высокого порядка, отражающий специфический способ организации жизнедеятельности сообщества ссуза, возникающий как продукт самоорганизации студенческого воспитательного коллектива и целенаправленной деятельности преподавателей образовательного учреждения, ориентированный на реализацию педагогически целесообразных целей, задач и принципов деятельности студентов и преподавателей, позволяющий оптимизировать процесс социализации будущих специалистов железнодорожного транспорта, их социальную и профессионально-трудовую адаптацию и достичь максимально возможного (для данных условий) результата в формировании социально ценного и профессионального опыта будущих специалистов-транспортников. Специфика воспитательной системы связана с особенностями ценностно-целевых установок, содержания, основных направлений и форм организации воспитывающей деятельности коллектива студентов и преподавателей образовательного учреждения, готовящего специалистов для сферы транспорта, с особыми условиями организации и продуктивного влияния воспитательной системы на социальное и профессиональное становление будущих специалистов-железнодорожников» [Булатников 2010в: 11].

Предложенная И.Е. Булатниковым теоретическая модель формирования ответственного отношения будущих специалистов железнодорожного транспорта к профессиональной деятельности в воспитательной системе ссуза включает в себя: целевую установку, механизмы и способы интеграции субъектов воспитательной системы в целостный воспитательный процесс; принципы организации жизнедеятельности воспитательной системы, основные направления и содержание деятельности, этапы и логику развития системы; методики и технологии формирования ответственного отношения студентов к профессиональной деятельности; характеристику критериев, показателей, уровней сформированности ответственного отношения студентов, условия продуктивного влияния воспитательной системы на личность будущего специалиста-транспортника. Основными направлениями деятельности воспитательной системы, заданными самой логикой и структурой ответственного отношения будущих специалистов-железнодорожников, являются: 1) обогащение социальных и профессиональных интересов студентов, ориентация их на социально-нравственные и профессиональные ценности, развитие представлений о профессиональном долге, достоинстве, чести; готовности к добровольному исполнению правовых и профессиональных норм; формирование социальной и профессиональной позиции будущего специалиста-транспортника; 2) развитие у будущих специалистов способности к эмоционально-волевой саморегуляции, контролю над своей деятельностью и поведением; обогащение опыта восприятия и понимания других людей, навыков перцепции, эмпатии, социально ценных эмоций студентов; 3) исполнение студентами правовых норм и нравственного долга, добросовестное выполнение профессионально-трудовых обязанностей, готовности отвечать за свои действия и поступки; включение студентов в социально и профессионально значимую деятельность, формирование опыта социально и профессионально-ценного поведения [Булатников 2010в: 11].

Педагогические возможности воспитательной системы ссуза транспорта в формировании ответственного отношения будущего специалиста к профессиональной деятельности определяются: наличием в воспитательной системе действенных,

лично значимых для студента субъектов социально-нравственного и профессионального воспитания, самосовершенствования; динамичностью развития воспитательной системы; наличием в среде образовательного учреждения лично значимых для студента эталонов профессионализма, мастерства, гражданственности, ответственности; наличием в воспитательном пространстве ссуза лично значимых для студента сред – образовательной, досуговой, коммуникационной, социально-трудовой; созданием ситуаций для саморефлексии, объективной самооценки студентами реального уровня своего социального и профессионально-личностного развития; становлением системы студенческого самоуправления, повышением субъектности студенческого коллектива, созданием и сохранением традиций коллектива группы, курса, ссуза; культивированием видов деятельности, основанных на совместной профессионально-трудовой и общественно-полезной деятельности и др. [Булатников 2010в: 10].

Процесс формирования ответственного отношения будущих специалистов железнодорожного транспорта к профессиональной деятельности – организованное особым образом взаимодействие субъектов воспитательной системы (среда ссуза – руководители образовательного учреждения и отделений – преподаватели – мастера производственного обучения – классные руководители – коллективы курсов и групп – трудовые коллективы и профессиональные сообщества железнодорожников – творческие и профессиональные объединения студентов – студент), основанное на профессиональных ценностях и традициях сообщества железнодорожников, принятых в нем нормах поведения и отношений, обеспечивающих формирование положительного образа профессии и целей профессиональной деятельности специалиста транспорта, закрепление в нем способности к контролю своей деятельности и поведения, исполнению правовых норм и нравственного долга, выполнению профессионально-трудовых обязанностей, готовности отвечать за свои социальные и профессиональные действия и поступки. Реализация теоретической модели формирования ответственного отношения будущих специалистов железнодорожного транспорта к профессиональной деятельности в воспитательной системе ссуза осуществляется посредством включения будущего специалиста в разнообразные виды и формы воспитывающей деятельности (аудиторной, внеаудиторной, профессионально-трудовой, социально значимой, досуговой) с целью введения его в профессию через развитие общих и профессиональных способностей студентов [Булатников 2010в: 11].

Результаты исследования позволили Игорю Евгеньевичу «зафиксировать устойчивую зависимость между этапами развития воспитательной системы ссуза и становлением базовых ценностей, определяющих ответственное отношение студентов к будущей профессиональной деятельности. Так, с развитием субъектности воспитательной системы ссуза, ростом самостоятельности студенческих групп в определении целей, содержания и организации жизнедеятельности собственного коллектива в орбиту внимания и осмысления будущих специалистов все более активно стали вовлекаться социально-нравственные ценности, нормы подлинного профессионализма, высокой ответственности за результаты своей деятельности, установки на *добросовестный труд, ответственность, долг, честь, честность, гордость за свой труд, уважение к труду других людей, уважение человеческого достоинства, гуманизм*. Источником формирования ценностных представлений будущих специалистов стала профессиональная среда железнодорожников, судьбы реальных людей и их поступки, нормы и традиции сообщества транспортников, история отделения железной дороги, история образовательного учреждения, включенность в реальные отношения с профессионалами, в производственную деятельность. Эти изменения стали фундаментом для обогащения социального и

профессионального опыта студентов, фактором формирования их социальной и профессиональной позиции. Причем «чем выше оказывался этап развития воспитательной системы техникума, тем активнее студенты демонстрировали свою собственную субъектность, тем сплоченнее и организованнее они действовали, тем больше был радиус освоения среды, тем устойчивее и продуктивнее проявлялось их ответственное отношение к будущей профессии, мера включенности в жизнь своего профессионального сообщества» [Булатников 2010в: 23–24].

Размышляя о феномене воспитательной системы образовательного учреждения, Игорь Евгеньевич не упускал из виду самое важное для него – социально-нравственное развитие личности студента. Он постоянно искал возможность подчеркнуть роль этического базиса в становлении и развитии воспитательной системы ссуза, ее сопряженность с традиционным ценностно-смысловым ядром самосознания русского этноса. Он подчеркивал, что «в процессе воспитания в сознании входящего в жизнь человека вполне естественно образуется целый ряд сопряженных с Добром и Красотой ценностей, определяющих, как внутренний закон, сущность личности, весь спектр ее отношений с внешним миром – Честь, Совесть, Справедливость, Ответственность, Гордость, Долг, Правда, Достоинство, Великодушие... – Именно эти этические феномены образуют социальность личности, ее гражданскую, ее жизненную позицию, способы реализации "природных сущностных сил" личности (К. Маркс). Очевидно, что названные этические феномены выполняют роль базовых духовно-нравственных смыслов, задающих ориентацию юного гражданина в социокультурном пространстве, позволяя юноше или девушке выбрать линию поведения, выстроить "программу" собственной жизни, обрести социальную и персональную идентичность» [Булатников 2009: 103].

Игоря Евгеньевича постоянно занимала мысль о создании типологии нравственной воспитанности личности, желание проникнуть в природу человеческой морали и ее социальных проявлений; он размышлял о том, почему одни люди становятся «мальчишами-кибальчишами», а другие сознательно принимают на себя роль «мальчишей-плохишей»; его интересовала природа пассионарности личности, феномен социального лидерства и той ответственности, которую принимает на себя лидер; его интерес к лидерству выходил далеко за рамки педагогической деятельности – его интересовали лидеры в масштабах исторической реальности – вожди эпохи; он мучительно искал ответ на вопрос о том, что сегодня уводит молодых людей от личностного роста, проявления субъектности, социальной инициативы; почему многие подростки и юноши сознательно дрейфуют в направлении маргинального дна, безропотно отдаваясь в плен гедонизму, потребительству, социальным порокам и инстинктам. Ответы на эти и многие другие вопросы Игорь Евгеньевич искал в теоретических концепциях русских мыслителей, в традициях и опыте русской педагогики, в истории отечественной школы и образования. Его интерес к этой проблематике оказался столь серьезен и глубок, что привел к целому ряду публикаций, вылившихся в самостоятельное направление его научно-исследовательских поисков.

Социально-нравственное воспитание молодежи в контексте исторических традиций и опыта русской педагогики

Значительное внимание И.Е. Булатников посвятил *анализу исторического опыта социально-нравственного воспитания детей и молодежи, этических основ социального воспитания подростков и юношества* [Булатников 2008б; 2013; 2013а; 2014; 2014а; 2015; 2017]. В поле его зрения оказались ценностные основы социально-нравственного воспитания, концепции известных отечественных мыслителей, практический опыт нравственного развития детей и молодежи в истории отечественной

педагогической мысли. Его внимание было сфокусировано на идеях и философско-педагогических трудах представителей нескольких эпох в истории отечественной педагогики, размышлявших о судьбах российского образования, его ценностно-смысловых основах и национально-культурных особенностях. Такими идейными вершинами для Игоря Евгеньевича стали концептуальные подходы и теории, представленные в трудах К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, В.А. Разумного, Б.З. Вульфова, Е.П. Белозерцева. Вполне очевидна вневременная, идейная сопряженность этих мыслителей, их пристальное внимание к проблемам социально-нравственного становления человека, поиск эффективных механизмов влияния социокультурной среды на освоение личностью нравственных основ социального бытия. Конечно, этот ряд имен можно существенно расширить, вспоминая тех, кто на протяжении XIX–XX вв. занимался проблемами нравственного воспитания детей и молодежи. Но «ключевыми», принципиально важными, пожалуй, оказались бы именно эти. Деятельность и труды этих педагогов пришлись на сложные, переломные, революционные годы, когда кардинально менялась парадигма социального воспитания, ее ценностно-смысловая основа. Погружаясь в труды мыслителей, Игорь Евгеньевич пытался выстроить вневременную, универсальную, независимую от идеологии, ценностно-смысловую основу, своеобразный «этический базис» процесса социально-нравственного воспитания личности. Отправной точкой в теоретических поисках Игоря Евгеньевича стали труды К.Д. Ушинского, много размышлявшего о природе нравственности и ее воспитании в ребенке [Ушинский 1974; 1974а; 1990]. Перечитывая его труд «Человек как предмет воспитания», Игорь Евгеньевич писал: «Важнейшей сущностной характеристикой результатов деятельности системы образования выступает *ценностно-мотивационное ядро* человека культуры, гражданина, патриота, субстанция которого в духовности, что предполагает бескорыстие, жертвенность, ответственность, преданность в служении своему Отечеству, своей Родине, своему народу, – именно эти качества человека и гражданина являлись во все времена российской истории главными ориентирами-регуляторами социальной деятельности личности, ее общественного служения, ее самореализации, самого смысла и предназначения человеческой судьбы конкретной личности, ее *отношения* к собственной миссии в жизни. Эти ориентиры-регуляторы содержательно сосредоточены преимущественно в русской словесности и русской истории. Ни один другой язык в современном мире не даёт такого богатства возможностей для выражения и распознавания жизненно важных духовно-нравственных критериев, как, например, истина, добро, правда, справедливость, праведность, честь, совесть, целесообразность и др.» [Булатников 2014а: 22]. При всей кажущейся очевидности этих категорий, их содержательное наполнение и мера субъективной значимости для конкретного человека становятся основой в строительстве отношений к окружающей социальной, природной, материальной среде, к себе самому, к пониманию своего собственного предназначения в жизни. И если содержание этих базовых понятий становится «автономным», обособленным, индивидуальным, не сопряженным с тождественным пониманием этих феноменов другими людьми, тогда неизбежно исчезают общие, универсальные основания для нравственной оценки поведения каждого человека, понимания границ социально одобряемого поведения личности. По существу, это означает только одно: конец общественной морали, ее полное исчезновение. Но тогда исчезает и общество, в котором не остается никаких внутренних моральных регулятивов, а человек из существа социального превращается в существо биологическое, не обремененное даже самой примитивной моралью. «*Этические основания русского образования* самым непосредственным образом проявляются в наборе важнейших личностных качеств молодых людей, образующих

всю социальность личности, ее гражданскую позицию, отношение к другим людям, к своей стране и своему народу» [Булатников 2015: 88].

И.Е. Булатников был убежден в том, что, пронизывая все содержание русского образования, все содержание воспитания русских детей, «этические основания выполняют роль базовых духовно-нравственных смыслов, задающих ориентацию юного гражданина в социокультурном пространстве, позволяя юноше или девушке выбрать линию поведения, выстроить "программу" собственной жизни, обрести социальную и персональную идентичность» [Булатников 2015: 89–90]. Такая диалектическая внутренняя сопряженность личного с общественным, социального и индивидуального в личности материализовалась в устойчивое понимание человеком своей причастности к делам и заботам своего этноса, к истории и судьбе своей родины. Не случайно в одном из известных стихотворений «Идут белые снѣги» Е.А. Евтушенко очень точно сформулировал суть такой взаимозависимости: «Если будет Россия, значит, буду и я». «В этой диалектической связи социального и индивидуального проявляется сам человек, мера освоения им норм общественной морали, готовности к принятию этих норм и добровольному подчинению им, реализации личных, индивидуальных целей общественно приемлемыми средствами. Из отдельных, разрозненных действий воспитанника рождается моральный опыт личности, который опирается на одобрение окружающего коллектива, одобрение взрослых, педагогов» [Булатников 2013а: 92]. Так этический базис выводит, возвышает сознание отдельного человека от «уединенного бытия» к масштабам целого социума, осознанию их взаимной зависимости и взаимной ответственности. И.Е. Булатников подчеркивает: «Этические основы русского образования предполагают осознание каждым входящим в самостоятельную взрослую жизнь человеком своей этнической идентичности, внутренней психологической принадлежности к русскому миру. Без этого ощущения внутреннего родства с русским миром не может появиться ощущение солидарности, сопричастности, кооперированности личности с социальной средой, не может появиться внутренней сопряженности с прошлым, настоящим и будущим русского этноса. Общность религиозного культа, поклонение общим, единым идеалам и героям, единая и универсальная (справедливая, равная для всех) система нравственных норм, моральных императивов, прозрачность общественного и личного бытия человека в русском мире, личная подотчетность этому миру, внятные критерии и параметры оценки социальных проявлений человека в общественном мнении, образный и метафоричный язык, богатая и выразительная музыкальная культура, разнообразные обычаи, традиции, праздники, демократичные и справедливые формы организации коллективной жизни – все эти проявления образуют особый строй русской души, в которой "я" и "мы" сливаются воедино, в которой "мое" и "наше" становятся неразрывными сторонами одной сущности – русского человека» [Булатников 2015: 98]. Анализируя опыт А.С. Макаренко, Игорь Евгеньевич пишет: «Нравственный опыт личности начинается от привычки поступать так, как предписывает традиция, как одобряет внешнее социальное окружение, – отсюда берут свое начало такие нравственные качества личности, как долг, честь, достоинство, честность, верность, преданность, ответственность, дружба, совесть, стыд, мужество, принципиальность, убежденность и др. Источником этих внутренних нравственных качеств личности является референтная внешняя социальная среда» [Булатников 2013а: 94]. Бывает ли по-другому? Едва ли. Конечно, *среда формирует личность*, а ее состояние самым непосредственным образом сказывается на всей системе жизненных координат человека.

Отмечая огромную роль среды в становлении социальности личности, ее нравственности, И.Е. Булатников подчеркивает активную роль самого растущего человека во взаимодействии со средой; он пишет о том, что воспитанник не является

«пассивным продуктом среды, безвольно подчиненным ей, подавляющим свою индивидуальность, конформистски прячущим свое собственное я в угоду требованиям социальной среды. Растущему человеку необходим коллектив, необходимо одобрение и поддержка сверстников и взрослых – в их позитивном отклике на свои поступки он находит сигналы совпадения нравственных оценок социальной средой совершенных им деяний, выражение меры соответствия этих деяний общественным ожиданиям. На основе таких оценок формируется база самооценки личностью меры своей успешности в различных видах деятельности, формируется уровень ее притязаний и вся палитра отношений с внешним миром, прежде всего – с социальной средой» [Булатников 2013: 104].

Помимо формирования социальности личности, ее интеграции в социальную среду и существования в этой среде на основе единых нравственных норм, *этические основания русского образования обеспечивают воспроизводство самой системы образования, ее устойчивость к деструктивным влияниям, поскольку «выполняют чрезвычайно важные, системообразующие, системоохраняющие функции, позволяющие образованию сохранять рациональность, «разумную инерционность», «оправданную неторопливость», «здоровый консерватизм» в самореформировании, способность придерживаться традиции, откликаясь на «вызовы времени»* [Булатников 2015: 82]. Здесь исследователь очень точно характеризует позицию части «реформаторов» образования, призывающих «не оглядываться в прошлое, а смотреть в завтра». Он пишет: «На стыке эпох, на пересечении старого и нового неизбежно и даже уместно обращение к прошлому, его осмысление и анализ с точки зрения возможности применения накопленного в предыдущие временные эпохи опыта в новых социокультурных условиях. Конечно, есть "революционно" мыслящие "топ-менеджеры" в современном российском образовании, которые полностью отрицают прошлый педагогический опыт, отвергают его, считают его "анахронизмом", "осколком старого мира", сдерживающим движение образовательной практики вперед, тормозящим "прогрессивное развитие педагогической теории"... И невдомек этим "образованцам", что в педагогической теории и практике не может и не должно быть огульного отрицания прошлого опыта. Школа и образование – вся социально-педагогическая практика могут и должны строить свое развитие на основе достижений и открытий, совершенных в предшествующие эпохи, на основе концепций и идей, позволивших решить сложные образовательные и социально-нравственные задачи как раз на таких переломных отрезках истории и развития педагогической науки. Опыт предшествующих эпох выступает своеобразным гарантом стабильности социально-педагогической практики, условием "здорового консерватизма" образовательных систем, их жизнеспособности и устойчивости в периоды социальных потрясений и общественной нестабильности» [Булатников 2013а: 87].

Анализируя преемственность социально-педагогических концепций, ориентированных на социально-нравственное воспитание подростков и юношества, И.Е. Булатников выделяет ведущие, сквозные принципы, на которых такие концепции строятся: «целостность процесса социально-нравственного воспитания школьников, его целесообразность; последовательность, преемственность, систематичность, логика "восхождения" и усложнения от младших школьников к старшеклассникам в освоении нравственной культуры; опора на индивидуальный нравственный опыт каждого ребенка; использование возможностей примера в решении личностью ситуаций морального выбора; связь нравственного воспитания с практической деятельностью ребенка, с закреплением в его опыте положительных эмоций от совершения морально-ценных поступков; "восхождения" (от простого – к сложному, от конкретного – к абстрактному, от близкого – к далекому); опора на возможности учебного процесса, его

единство с процессом воспитания; "мудрого" коллективизма (В.А. Сухомлинский); обращение к метафоре, к образному мышлению, активизации эмоциональных состояний воспитанников в процессе включения их в творческую и практическую деятельность; создание ситуаций со-переживания, со-страдания, со-участия, сотрудничества, со-радования как базовых эмоциональных состояний для развития социально-нравственных чувств воспитанников; закрепление нравственного опыта личности через создание воспитывающих ситуаций, упражнение в применении нравственных норм в практической деятельности воспитанников; организация социально-педагогической среды и обеспечение ее влияния на социально-нравственное развитие воспитанников; сопряжение нравственного и эстетического развития личности ребенка ("через красивое – к человечному"); соединение нравственного становления личности с мерой ее включенности в общественно полезный труд и др.» [Булатников 2013а: 92].

В размышлениях об опыте великих педагогов XX века особое внимание Игорь Евгеньевич обращает на эмоциональную сторону процесса нравственного становления личности, сопряжение переживаемых ребенком чувств с его конкретными нравственными поступками, нравственным поведением. «Важнейшим педагогическим основанием всей системы этического воспитания личности в концепции Сухомлинского была опора на развитие *социально ценных эмоций ребенка*, пробуждение и закрепление в нем *способности "чувствовать тончайшие движения человеческого сердца"*. Тонкий знаток человеческих душ, В.А. Сухомлинский не раз подчеркивал, что непременным условием духовно-нравственной воспитанности личности является ее способность к глубоким чувствам, побуждающим к действию, к поступку, к поведенческому акту [Булатников 2013а: 86–100]. «Есть такое человеческое качество – тонкость, эмоциональность натуры. Оно выражается в том, что окружающий мир обостряет способность к переживаниям. Человек с тонкой, эмоциональной натурой не может забыть горе, страдание, несчастье другого человека; совесть заставляет его прийти на помощь» [Сухомлинский 1969: 165]. Полностью разделяя позицию великого Учителя из Павлыша, Игорь Евгеньевич подчеркивает: «Эмоциональная восприимчивость ребенка – к слову, звуку, краскам, запахам, к образам, к простору и красоте малой родины, к действию, к поступку, к реальному делу, а через них – к идеям, к смыслам и ценностям, к среде – в трактовке Сухомлинского служила основой всего социально-нравственного развития личности, ее способности быть членом большой и сплоченной семьи – коллектива» [Булатников 2013а: 91].

Следует обратить внимание и на то, что Игорь Евгеньевич не оставляет без внимания «идейное несоответствие» концептуальных подходов великих педагогов XX в. с идеологией современных «реформ образования»: «Социально-педагогическая концепция В.А. Сухомлинского ориентирована на ценности и смыслы христианской этики, в которой доминирует идея добра, общинного бытия человека, идея равенства, братства, справедливости. Понятно, что буржуазный тип культуры и пропагандируемые сегодня ценности "общества потребления" негласно обращены к низменным интенциям в человеке, подпитывают в нем социальное отчуждение, аномию, дрейф в сторону индивидуализма и гедонизма... Эти ориентиры были чужды педагогу-гуманисту из Павлыша, он усматривал в них опасные деструктивные социально-нравственные явления, которые не возвышают в Человеке человеческое, а делают его пленником страстей, инстинктов, иллюзий. Сегодняшняя практика социального воспитания едва ли способна породить социально активного субъекта, способного быть творцом истории и своей судьбы, способного критически мыслить, а уж тем более негативно оценивать происходящее в социальной реальности... Именно по этой причине сегодня идет активное выхолащивание отечественной истории педагогики, выкорчевывание

концепций и идей, которые были обращены к творению Человека, избавлению его от скверны, реализации его природных сущностных сил на благо всех людей. Но Сухомлинский продолжает жить в памяти людей, в практическом опыте, – крупицы его педагогических находок помогают служителям Правды, искателям Добра, созидателям Красоты растить молодую поросль российской культуры, возвращать самое ценное и важное на Земле – Ребенка!» [Булатников 2013а: 97]. Конечно, это очень смелое и мужественное заявление для молодого ученого, констатирующего колоссальный ценностно-смысловой контраст социально-педагогических исканий В.А. Сухомлинского и нынешних «реформ» образования! Между тем «на деле получается так, что образование, определяя культурный потенциал общества, его духовный и интеллектуальный базис, обеспечивая научно-технический, социальный и экономический прогресс, сегодня деградирует вместе с обществом, предлагая ему выхолощенное образование, суррогат образования, несет в себе все имеющиеся социальные пороки и противоречия. Тем не менее образование продолжает свое общественное служение, не столько благодаря осуществляемой сегодня социальной политике, сколько вопреки ей. И "секрет" этого "здорового консерватизма" системы образования кроется в прочной сопряженности его с культурой русского общества, с его базовыми, фундаментальными этическими основами, с "русской идеей"» [Булатников 2014: 43].

Поиск диалектической сопряженности социально-нравственной культуры личности с состоянием общественной морали привел И.Е. Булатникова к осмыслению идей известного отечественного специалиста в философии образования и теории эстетического воспитания В.А. Разумного. Игоря Евгеньевича очень интересовала природа нравственных чувств, их сопряженность с глубоко укорененными в сознании человека привычками, способность личности испытывать эмоциональный отклик на различные проявления в поведении других людей, жизненные ситуации и социальные процессы. Эстетическое и нравственное в понимании И.Е. Булатникова не существуют изолированно друг от друга, а тесно связаны между собой, взаимно обуславливают друг друга. В статье, посвященной философско-педагогической концепции В.А. Разумного, отмечая диалектическое единство Добра и Красоты, эстетического и нравственного в социальных проявлениях индивида, Игорь Евгеньевич пишет: «Нравственное всегда присутствует в жизнедеятельности человека, обнаруживаясь в широкой амплитуде проявлений человека, в первую очередь – в поступках личности. Недаром Книга книг – Библия – содержит абсолютно бесспорную и точную формулу: "По делам их узнаете их". При этом эстетическое очень часто выступает внешним признаком проявления внутренней нравственной сущности человека, важным критерием оценки степени сформированности нравственной культуры личности: нравственное олицетворяет общественное начало, а эстетическое – личностное; нравственное выражает содержание, сущность процессов и явлений, происходящих в человеке и с человеком, а эстетическое – их форму, чувственный образ; нравственное выражает общественную необходимость, а эстетическое – свободу личности, ее творческий, созидательный подход к жизни; нравственное носит рациональный характер, а эстетическое – эмоциональный, чувственный» [Булатников 2014: 44].

Акцентируя внимание на сопряженности Добра и Красоты, нравственного и эстетического, Игорь Евгеньевич подчеркивает роль нравственных чувств, человеческих эмоций, необходимость их целенаправленного развития в процессе социального воспитания детей и молодежи. «В философско-педагогической антропологии В.А. Разумного Добро и Красота выступают союзниками, единомышленниками в борьбе за Человека, а приобщенность человека к Красоте практически гарантирует его способность к творению Добра. Не случайно в одном из

сонетов В. Солоухина есть точно сформулированная педагогическая аксиома: «Имеющий в руках цветы плохого совершить не может». Философско-педагогическая концепция В.А. Разумного предлагает выверенную систему ориентиров формирования гармонически развитой личности, в которой Добро и Красота выступают творческими союзниками, создающими основу для вхождения в жизнь красивой и благородной Личности, способной жить сердцем, творить окружающий мир по законам красоты, быть достойным наследником культурных традиций и исторического опыта своих отцов и дедов» [Булатников 2014: 50].

Этические основы современного образования выступают в трактовке И.Е. Булатникова важнейшими духовными скрепами, соединяющими не только Добро и Красоту, не только поступки и чувства, но и прошлое с настоящим и будущим. Они связывают личность со всем предшествующим развитием человеческой культуры: «Соотношение культуры и этики становится в наше время чрезвычайно актуальной проблемой, ибо развитие цивилизации в XX веке пришло к такому рубежу, когда лишенная этического начала культура буржуазного общества все более угрожает благополучию и существованию человека на Земле... И проявляется разлагающее влияние "массовой культуры" буржуазного общества в точечных, малозаметных переменах, происходящих в отношении русского человека к традиционным, базовым ценностям этноса. Постепенно девальвируются и выхолащиваются (а то и откровенно высмеиваются!) прежние кумиры и святыни, подвергаются моральной дискредитации духовные подвиги национальных героев, затушевываются и подменяются прежние нравственные смыслы, нормы, фундаментальные идеи. То, что прежде считалось высочайшим проявлением национального Духа, что соответствовало критериям Подвига, высокого Поступка, совершенных во благо всех, постепенно вытесняется новыми представлениями о моральном Долге, о социальной Ответственности, об истинной Добродетели. Постепенно из реальной жизни уходят проявления героического. Действительно, кого сегодня можно назвать истинным национальным героем? Кто в интерпретации общественного мнения соответствует этому высокому социальному статусу? Теряя национальных героев, мы теряем историю русского этноса, его культуру» [Булатников 2015: 117].

Игорь Евгеньевич прямо указывает на потенциальные опасности безучастного отношения общества и институтов образования к происходящей социально-нравственной деградации целого поколения молодых граждан России: «Поиск ответов на острые вопросы о национальных героях, об истинном отношении человека к Родине, о понимании им своего предназначения в жизни требует грамотного и тонкого обращения к прошлому, к анализу складывавшихся веками традиций русского образования, многовекового опыта воспроизводства русской национальной культуры через ее важнейших субъектов – школу и учителя. Не случайно выход второго издания книги Е.П. Белозерцева "Образ и смысл русской школы" невероятным образом совпал с очень сложными и болезненными процессами, происходящими в современной Украине, в которой после государственного переворота в феврале 2014 года к власти пришли откровенные националисты фашистского толка и взялись за строительство нового социального порядка, перешедшего в гражданскую войну... Многие из серьезных аналитиков с уверенностью говорят о том, что за два десятилетия "буржуазных реформ" Украина "потеряла молодежь", – подростки и юношество оказались в тисках национал-фашистской клики, взявшейся узурпировать государственную власть руками молодых. В этом контексте особенно важно и полезно для российского опыта понять традиционный внутренний строй русского образования, его социокультурную миссию, механизмы и условия формирования всего духовно-нравственного строя русского мира» [Булатников 2015: 118–119]. Смысл социального воспитания Игорь Евгеньевич видит в «воспроизводстве русского этноса», в

«самопостижении народа и его национального характера», в поиске и обретении «выразительного национального идеала» человека, соответствующего нравственным ценностям и традиционным ментальным характеристикам русского этноса [Там же]. Здесь Игорь Евгеньевич вновь возвращается к наследию К.Д. Ушинского, подчеркивавшего, что у каждого народа есть своя идея воспитания, в основе которой лежит своя «особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития». Воспитание в этом отношении родственно литературе, потому что и в литературе народ «выражает свои убеждения о том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей... *Каков бы ни был этот идеал, он всегда выражает собою степень самосознания народа, его взгляд на пороки и добродетели – выражает народную совесть*» [Белозерцев 2013: 65].

Итогом размышлений Игоря Евгеньевича об историческом опыте социально-нравственного воспитания детей и молодежи, этических основах социального воспитания подростков и юношества в истории отечественной философско-педагогической мысли становится целый ряд этических ценностей, определяющих весь спектр отношений личности с социальной средой, ее социальную позицию в обществе. При этом исследователь акцентирует внимание на том, что роль этого этического базиса особенно становится важна на этапе масштабных социальных реформ, общественных испытаний этноса, когда проверке подвергаются важнейшие, менталообразующие смыслы и ценности народа, табуированные формы морали. Он пишет: «Когда-то Ю.М. Лотман произнес очень точную фразу: "Культура начинается с запретов". Табуированные формы общественной морали препятствуют разрушению социальности этноса, обеспечивая воспроизводство неписанных границ должного, формируют поле социально одобряемого поведения, пространство гарантированной нравственности в проявлениях людей. Такие границы задают условные рамки, выход за которые всегда осуждался обществом, получал его негативную оценку. Отсюда рождалось представление о том, что "можно", а что "нельзя". Отсюда рождалась социальность личности, позволявшая ей не только считать себя частью целого – этноса, но и обособляться от общества, выражая и сохраняя свою индивидуальность. В этом процессе участвовал весь спектр личностных способностей, качеств, проявлений, свойств» [Булатников 2011а: 59]. В этом контексте И.Е. Булатников апеллирует к мнению Б.З. Вульфова, считавшего, что «социальность – это культура мышления и культура чувств, культура духовной жизни и культура поведения. Именно социальность не только отличает человека от животного, но и делает его Человеком; с этой точки зрения она выступает наиболее общим признаком общечеловеческого. Образование Человека – результат его социального воспроизводства – и есть творение и самотворение его социальности» [Вульф 1999: 9].

Идеи не умирают, если у них есть последователи...

Жизнь не стоит на месте. Время быстротечно. Оно неумолимо несет нас в будущее, постоянно приближая каждого к тому рубежу, где человек должен подвести итоги прожитому и сделанному. Время оценивает каждого человека по тому, что он оставляет людям. Одни оставляют копившиеся долгие годы богатства и целые состояния, а другие оставляют холсты и книги, произведения искусства и идеи, которые делают красивой и счастливой жизнь других людей. Четвертый год с нами нет Игоря Евгеньевича. Но его идеи продолжают жить! Идеи не умирают! Идеи бессмертны, если у них есть последователи. Его идеи и труды обрели продолжателей, они востребованы современной практикой образования и социального воспитания молодежи. В его работах черпают вдохновение для творчества, для воспитания

истинных патриотов России сотни и тысячи новых педагогов-исследователей, педагогов-практиков. Его труды цитируют не только широко известные специалисты, но и целая армия молодых исследователей, патриотов России, верных борцов за духовное оздоровление русского народа, радеющих о благе своего Отечества. Значит, Игорь Евгеньевич продолжает жить с нами, в нашей памяти, в наших делах, в наших надеждах!

Конечно, боль и горечь утраты не заглушить ничем. Эта боль продолжает жить с нами, продолжает терзать наши сердца. Слишком рано, на самом взлете оборвалась жизнь этого удивительно талантливого и трудолюбивого человека. Теперь бессмысленно говорить о том, сколько бы он мог еще сделать... – «История не знает сослагательного наклонения», – предполагать его возможные громкие победы и успехи теперь не имеет смысла. – Все осталось таким, каким осталось. Он сделал столько, сколько смог и сколько сделал. Но сделанного им столько, сколько не в силах сделать многие. И это – уже Памятник. – Памятник его труду, его воле, его упорству в стремлении к цели. Его достижения и его идеи теперь оценит время, оценят те, кто идет за ним следом, кто идет по его пути. Конечно, «идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами» (В.И. Ленин). Конечно, хотелось бы увидеть то счастливое время, когда осуществится мечта К.Д. Ушинского, призывавшего «сделать русские школы русскими», ориентировать систему образования на духовное развитие и нравственное оздоровление народа. Конечно, хотелось бы увидеть государство, в котором власть принадлежит народу, служит его интересам. Конечно, хотелось бы увидеть общество, в котором не только декларируются идеи воспитания всесторонне гармонически развитой личности, но и осуществляется такая цель. Конечно, хотелось бы увидеть общество, где творческие способности каждого получают мощное развитие и служат условием развития всех людей. Конечно, хотелось бы увидеть мир, в котором торжествуют идеалы Добра и Красоты. Эти благородные и высокие идеи и были предметом осмысления и воплощения в трудах Игоря Евгеньевича Булатникова. Достижимы ли они? Думается, да. Но лишь тогда, когда они становятся реальной политикой государства, когда желания народа совпадают с осуществляемой в стране социальной политикой; когда политика государства выстраивается не в интересах богатого меньшинства, а в интересах всего народа; когда благо и процветание Отечества становится смыслом социального существования для каждого человека.

В недавно вышедшем двухтомнике избранных трудов Игоря Евгеньевича Булатникова помещены не только его работы, но и воспоминания о нем известных российских ученых. Вспоминая своего коллегу и единомышленника, заслуженный деятель науки, доктор педагогических наук, профессор Е.П. Белозерцев пишет: «Дорогой Игорь, перелистывая твои книги, перечитывая твои статьи, я благодарю Судьбу за то, что она подарила мне встречу с тобой, что в этом безумном и необъятном мире пересеклись на мгновение наши пути; что в круговерти дней и лет мы ощутили свое духовное родство и смогли возрадоваться нашему духовному единению. Нам всем будет очень не хватать тебя. Как не хватает надежных и смелых бойцов в армейском строю накануне решающего боя. Как не хватает отцу сына. Как не хватает Учителю своего Ученика, своего надежного продолжателя. Как не хватает сегодня нашей Великой России преданных и верных защитников – защитников всего русского. Как не хватает сегодня нашей стране просто добрых и совестливых людей, надежных и честных – именно таких, каким ты был. И есть! Потому что ты продолжаешь жить – в нашей памяти, в наших делах, в наших мыслях, в наших чувствах! Ты продолжаешь жить, потому что твои идеи помогают нам лучше понять современный мир и строить его будущее – созидать красивого и нравственного Человека!» [Белозерцев 2017: 12]

Библиографический список

Александрова Е.А. Встреча с Личностью как Со-бытие // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 83–84.

Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы. Изд. 2-е. Курск: Мечта, 2013.

Белозерцев Е.П. Поиски русского человека // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 5–13.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.

Булатников И.Е. Воспитание ответственности. Развитие социальной и профессиональной ответственности будущих специалистов железнодорожного транспорта в воспитательной системе образовательного учреждения. Курск: ООО «Мечта», 2011. 232 с.

Булатников И.Е. Воспитательная система образовательного учреждения как фактор развития социальной и профессиональной ответственности будущих специалистов // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 10. С. 96–113.

Булатников И.Е. Воспитательная система ссуза как фактор формирования ответственного отношения будущих специалистов к профессиональной деятельности: от теории – к практике // Вестник Ярославского государственного педагогического университета. 2009 а. № 4 (61). С. 92–98.

Булатников И.Е. Деструкция морального сознания в современном российском обществе как проблема социального воспитания молодёжи // Психолого-педагогический поиск. 2011 а. № 3 (19). С. 45–62.

Булатников И.Е. Деструкция общественной морали как проблема современного социального воспитания молодёжи // Ярославский педагогический вестник. Т. 2. 2012. № 5. С. 24–30.

Булатников И.Е. Диалектика Добра и Красоты в философско-педагогическом наследии В.А. Разумного // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). С. 42–52.

Булатников И.Е. Концепция социально-нравственного воспитания личности в педагогическом наследии А.С. Макаренко: диалектика социального и индивидуального // Психолого-педагогический поиск. 2013. № 2 (26). С. 99–112.

Булатников И.Е. «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодёжи // Евразийский форум. 2012 а. № 4. С. 78–92.

Булатников И.Е. Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры. Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 1. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. 392 с.

Булатников И.Е. Педагогическое наследие Б.З. Вульфо́ва в контексте «модернизации» современного российского образования: традиции и уроки системного подхода // Образование личности. 2012 б. № 2. С. 36–48.

Булатников И.Е. Проблемы и опыт развития ответственного отношения будущих специалистов-транспортников к профессиональной деятельности: что может воспитание? // Психолого-педагогический поиск. 2010 а. № 14. С. 146–159.

Булатников И.Е. Проблемы и опыт формирования нравственной культуры будущих специалистов транспорта в воспитательной системе ССУЗА // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012 г. № 3. С. 80–88.

Булатников И.Е. Проблемы формирования ответственного отношения студентов ссузов к профессиональной деятельности в массовой практике социального воспитания: тревожные тенденции и векторы надежды // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 16. С. 119–132.

Булатников И.Е. Развитие ответственного отношения будущих специалистов железнодорожного транспорта к профессиональной деятельности как предпосылка повышения их конкурентоспособности на рынке труда // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008 а. Т. 14. № 5. С. 98–101.

Булатников И.Е. Развитие отношений ответственной зависимости будущих работников железнодорожного транспорта сквозь призму педагогического наследия А.С. Макаренко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008 б. Т. 14. № 2. С. 99–106.

Булатников И.Е. Развитие отношений ответственной зависимости и взаимной ответственности будущих работников транспорта сквозь призму педагогического наследия А.С. Макаренко // Психолого-педагогический поиск. 2008 в. № 7. С. 148–156.

Булатников И.Е. Развитие системы нравственных ценностей молодежи в условиях кризиса культуры: диалектика вечного и временного // Психолого-педагогический поиск. 2012д. № 4. С. 23–35.

Булатников И.Е. Системная методология в современной теории и практике социального воспитания // Психолого-педагогический поиск. 2012 д. № 2. С. 18–34.

Булатников И.Е. Социально-нравственное воспитание студенчества в контексте формирования представлений молодежи о социальной свободе и ответственности личности // Психолого-педагогический поиск. 2011 б. № 1 (17). С. 79–90.

Булатников И.Е. Социально-нравственное развитие молодежи в условиях деструкции общественной морали // Психолого-педагогический поиск. 2012 в. № 3. С. 60–72.

Булатников И.Е. Социально-психологические основы развития ответственного отношения будущего специалиста транспорта к профессиональной деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010 б. № 2. С. 79–91.

Булатников И.Е. Формирование ответственного отношения будущих специалистов железнодорожного транспорта к профессиональной деятельности в воспитательной системе ссуза: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Курск: КГУ, 2010 в. 27 с.

Булатников И.Е. Этические основания социально-педагогической концепции В.А. Сухомлинского в диалоге эпох и общественных отношений // Психолого-педагогический поиск. 2013 а. № 3 (27). С. 86–100.

Булатников И.Е. Этические основы русского образования в зеркале национальной истории и культуры: перечитывая наследие К.Д. Ушинского // Известия РАО. 2014 а. № 3. С. 14–35.

Булатников И.Е. Этические основы русского образования в философско-педагогической концепции Е.П. Белозерцева // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 1 (33). С. 110–133.

Вульф В.З., Иванов В.Д. Основы педагогики. М.: Издательство УРАО, 1999.

Осипов П.Н. Поступок как проявление социально-нравственной зрелости личности // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 214–223.

Паиков А.Г. Учитель и Ученик: уроки жизни и диалектика отношений // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 29–40.

Репринцев А.В. Духовно-нравственная культура общества как фактор формирования антикоррупционного стандарта поведения личности: что может воспитание? // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 3 (11). С. 71–80.

Рожков М.И. Экзистенциальная психология в межпоколенном диалоге: традиции общности и судьба конкретной Личности // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 201–207.

Романов А.А. Нравственное воспитание молодежи в исследованиях И.Е. Булатникова (по статьям из журнала Психолого-педагогический поиск) // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 1 (37). С. 125–134.

Розин В.М. В поисках нравственного Человека // Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: Избр. труды И.Е. Булатникова / предисл. и общая ред. А.В. Репринцева: в 2 т. Т. 2. Курск: ООО «Издательский дом ВИП», 2017. С. 13–21.

Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев, 1969.

Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Избр. пед. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1974.

Ушинский К.Д. О необходимости сделать русские школы русскими // Избр. пед. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1974а.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 5, 6. М., 1990.